
А. С. СЕМЧЕНКОВ

РЕВОЛЮЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ РОССИИ: УРОКИ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Объектом исследования являются Февральская и Октябрьская революции 1917 г., предметом исследования – предпосылки возникновения революций в 1917 г. Актуальность темы статьи определяется потребностями в сохранении устойчивости социально-экономического и политического развития России в условиях ухудшения международной экономической и политической конъюнктуры, что предполагает определение предпосылок возможной социально-политической дестабилизации обстановки в нашей стране и способов их купирования. В этой связи представляется востребованным анализ причин, условий и факторов возникновения российских революций столетней давности и извлечение уроков из этого опыта. Методологию исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция, аналогия), сравнительный подход, социально-структурный подход к исследованию революций, теории модернизации, политического порядка в меняющихся обществах, ресурсной мобилизации, относительной депривации. В статье рассматриваются основные исследовательские подходы, причины и условия возникновения революций 1917 г. в России. На данной основе определены предпосылки революций, ключевые причины русских революций 1917 г. и принципы обеспечения политической стабильности в современных условиях.

Ключевые слова: *неустойчивое равновесие, новая индустриализация, причины-триггеры, противодействие, противоречия, революция, стабильность, структурные факторы.*

The object of research – the February and October Revolutions of 1917, the subject of research – predictors of revolutions in 1917. The relevance of article's topic is determined by the need to maintain stability of the socio-economic and political development of Russia in the face of deteriorating international economic and political situation, which involves determining the pre-

Философия и общество, № 3 2017 64–81

requisites of possible socio-political destabilization of the situation in our country and the ways of their prevention. In this connection, it is in demand to analyze the causes, conditions and factors of Russian revolutions a century ago, and to draw lessons from this experience. The methodology of research were scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction, analogy), comparative approach, socio-structural approach to the study of revolutions, theories of modernization, political order in changing societies, resource mobilization, relative deprivation. The article discusses the main research approaches, causes and conditions of the revolutions of 1917 in Russia. On this basis, the preconditions of revolutions, key causes of the Russian revolutions of 1917 and lessons to ensure political stability in modern conditions are defined.

Keywords: *unstable equilibrium, new industrialization, causes-triggers, counteracting, contradictions, revolution, stability, structural factors.*

Революции играли и продолжают играть весьма неоднозначную роль в судьбе любой страны, в том числе и России. С одной стороны, они являются зримым выражением политической дестабилизации, социального и экономического неблагополучия в обществе, глубоких и не разрешимых мирным путем противоречий между классами, слоями и группами населения. Революции нередко, хотя и не всегда, влекут за собой еще более серьезные деструктивные процессы – гражданские войны и иного рода масштабные внутригосударственные конфликты. С другой стороны, революции могут прокладывать путь для прогрессивных изменений в общественной жизни, социально-экономической и политической модернизации, добиться и реализовать которые не удавалось прежде в условиях внешней, поверхностной стабильности.

Изучение уроков прошлых революций для потребностей современного развития общества и государства является весьма обширной темой исследований, которая не может быть рассмотрена в рамках одной статьи. Одним из аспектов данной темы, на которых хотелось бы остановиться, выступает проблема предотвращения негативных последствий революций, для чего исследователи обращаются к анализу их предпосылок, своевременное устранение которых позволило бы избежать социального взрыва в той или иной стране.

К настоящему времени сложился ряд теорий и подходов к оценке причин, условий, характера и результатов революций, развитие которых мы кратко рассмотрим ниже.

Так, с позиций **марксизма** социальная революция трактуется как средство перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Социальная революция является завершающим этапом процесса эволюционного развития, постепенного созревания в недрах старого общества элементов или предпосылок нового общественного строя. Революция способствует разрешению противоречий между новыми производительными силами, получающими свое дальнейшее развитие, и старыми, отжившими производственными отношениями, ломая их и закрепляющую данные отношения политическую надстройку.

Возникновение революции обуславливается наличием революционной ситуации (ряда объективных условий, отражающих экономический и политический кризис определенного общественного строя) и достаточно зрелых субъективных факторов [Революция... 1986]. Согласно В. И. Ленину, признаками революционной ситуации выступают: 1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, когда возникает общенациональный кризис, затрагивающий как эксплуатируемых, так и эксплуататоров; 2) серьезное обострение нужды и бедствий угнетенных классов; 3) значительное повышение активности масс, в период кризиса побуждаемых к самостоятельному историческому выступлению против правящего класса. Субъективными предпосылками революции служат способность революционного класса к смелой борьбе, наличие революционной партии, реализующей выверенное стратегическое и тактическое руководство этой борьбой [Революционная... 1986].

Согласно **теориям модернизации**, социальные революции возникают в тех обществах, которые уже вступили на путь модернизации, но не завершили ее. Функцией социальной революции при этом является ликвидация разрыва между растущим уровнем политического развития общества и не поспевающим за ним уровнем модернизации политических институтов, демократизации [Главлин, Казакова 1990]. Одной из теорий модернизации стала предложенная С. Хантингтоном концепция **политического порядка в меняющихся обществах**, в соответствии с которой урбанизация, рост уровня образования широких слоев населения и их информирование посредством массмедиа стимулируют поиск людьми но-

вых путей удовлетворения своих растущих потребностей. Этому препятствуют ограниченные возможности политических институтов находящихся в состоянии транзита обществ, что вызывает социальную фрустрацию и недовольство. Последнее влечет за собой общественно-политическую мобилизацию ущемленных социальных групп, которые ради удовлетворения своих потребностей все чаще прибегают к нелегитимным формам политического участия, в том числе давлению на власть. Однако в силу неразвитости институтов интересы мобилизованных групп не учитываются, что приводит к росту социально-политической напряженности и насилию [Huntington 1968]*.

С точки зрения **теорий массового общества** рост политической и социальной активности масс влечет за собой социальный кризис, дестабилизацию всей системы общественных отношений. В рамках **политико-правового подхода** (К. Бринтон, Э. Каменка, Дж. Питти, Х. Арендт, Ч. Тилли, А. Обершелл) рассматривается облик, внешние признаки социальных революций [Главлин, Казакова 1990]. Ч. Тилли, сформулировавший одну из **теорий ресурсной мобилизации**, полагал, что при любых социально-экономических условиях всегда существуют отдельные группы населения, латентно настроенные против власти и не принимающие сложившиеся в обществе отношения. При появлении у этих групп новых политических возможностей и ресурсов для мобилизации и активных совместных действий формируются оппозиционная организация и более широкое по своему составу общественное движение, стремящиеся к изменению ситуации в стране в свою пользу [Tilly 1978]. По мнению А. Обершелла, коллективная мобилизация и инициирование оппозиционного движения являются результатом конфликта между правительством, с одной стороны, и социальными группами и элитами – с другой, недовольными внешним управлением, политикой унификации и централизации, сокращенными или недостаточными для себя объемами полномочий, прав и уровнем своего признания, нелегитимностью и неэффективностью утратившей поддержку общества и пытающейся за счет фальсифи-

---

* Проблемы анализа соотношения модернизации и революций поднимались и на страницах нашего журнала (см.: Гринин Л. Е. Государство и кризисы в процессе модернизации // Философия и общество. 2013. № 3. С. 29–59). – *Прим. ред.*

каций итогов выборов и насилия сохранить власть правящей группы [Obershall 1973].

Психологический подход позволяет выявить предпосылки революций, коренящиеся в изменении психологии масс [Главлин, Казакова 1990]. В русле данного подхода разрабатывались различные варианты **теории относительной депривации** (С. Э. Стауфер, Р. Мертон, У. Руинсаймен, Р. Килион, Т. Гарр, И. Фейерабенд, Б. Несволд). Т. Гарром была предложена модель прогрессивной депривации, а Дж. Дэйвисом – обобщенная модель депривации (гипотеза «J-кривой»), согласно которым возникновение революций наиболее вероятно в результате смены длительного периода восходящего социально-экономического развития периодом резкого регресса в этой сфере [Гарр 2005]. В рамках той же теории относительной депривации И. Фейерабенд и Б. Несволд полагали, что социально-политическая напряженность возникает в результате несоответствия между социальными ожиданиями и достижениями общества [Feierabend, Nesvold 1969; Внукова 2012].

Социально-структурный подход (Ч. Джонсон, Б. Мур, Т. Скочпол) опирается на допущение, согласно которому предпосылки революций коренятся не столько в технологиях воздействия на общественное мнение относительно власти, сколько в комплексе условий, детерминант, факторов, ведущих к переходу общества в состояние неустойчивого равновесия. Это влечет за собой дефляцию власти и осознание обществом приближения непредвиденной социальной катастрофы [Главлин, Казакова 1990]. Социально-структурный подход, учитывая и соединяя в себе ряд достижений марксизма, теорий модернизации, массового общества, психологического и политико-правового подходов, в настоящее время получил довольно широкое распространение и признание как за рубежом, так и в России.

Ярким современным представителем социально-структурного подхода, в частности, выступает Дж. А. Голдстоун. Он рассматривает в качестве неустойчивого такое равновесие общества, при котором незначительное воздействие ведет к радикальному изменению существующего положения социальной системы. Данное воздействие могут оказывать война, экономической кризис, местное восстание, акция неповиновения или жестокие репрессии, способ-

ные вызвать реакцию в виде народных волнений или конфронтацию между элитами, нарастание беспорядков и смену политического режима. Условиями неустойчивого равновесия социальной системы выступают: проблемы в экономике и сборе налогов, создающие помехи в поступлении ренты в распоряжение правителей и элит и снижающие доходы всего населения страны; рост отчуждения и оппозиционных настроений среди групп элиты; революционная мобилизация вследствие роста возмущения народа несправедливостью; появление идеологии, содержащей разделяемый всеми нарратив сопротивления, объединяющей население и элиты в их недовольстве и требованиях к власти, а также обеспечивающей связь между различными социальными группами и их мобилизацию; благоприятная международная обстановка, будь то в виде зарубежной помощи революционерам, отказа в поддержке правящей элите либо интервенции в целях проведения контрреволюции.

Структурными причинами дестабилизации, подрывающими основы политических режимов, являются: демографические сдвиги, связанные с ростом численности населения, особенно молодых поколений; изменения в системе международных отношений – войны и межгосударственное экономическое соперничество, способные ослабить властный режим и привести к его смене; неравномерное либо зависимое экономическое развитие страны, ведущее к росту социального неравенства; новые формы вытеснения и дискриминации некоторых групп в политической, экономической сферах; эволюция персоналистских (авторитарных) режимов в сторону роста коррупции в среде государственных лидеров и их семей, что способствует делегитимации власти. Причинами-поводами могут быть неожиданные события, ведущие к дестабилизации: резкий скачок инфляции или рост цен на продукты питания, поражение в войне, бунты и протестные выступления и т. п. [Голдстоун 2015: 27–43; Goldstone 1991: 10–11].

Анализ рассмотренных выше подходов показывает, что обобщенно предпосылками революций выступают: факторы неустойчивого равновесия (относительная депривация; социальное неравенство; неравномерное социально-экономическое развитие; переходное состояние общества в условиях модернизации; конфликт между правящей элитой и иными элитными группами; мобилизация

масс, формирование на базе идеологии сопротивления революционной организации и более широкого по своему составу антиправительственного движения), структурные факторы (неэффективность государственного управления и делегитимация правящей элиты; демографические диспропорции; вовлечение страны в международные финансово-экономические и военные кризисы; дискриминация отдельных групп, меньшинств в экономической, политической и культурной сферах), причины-триггеры (внутренний социально-экономический и финансовый кризис; поражение в войне; дестабилизация внутренней социально-политической обстановки).

Если обратиться к анализу предпосылок революций в России в 1917 г., то можно прийти к выводу о том, что в их основе лежат сложившиеся к тому времени факторы неустойчивого равновесия, многие структурные факторы и причины-триггеры.

Так, не затрагивая предпосылок социально-экономического характера, о которых речь пойдет ниже, отметим, что среди российских элит на уровне метрополии и периферии империи росли и крепились антимоноархические настроения, которые выражались в том числе и в деятельной поддержке революционного подполья, начиная с его спонсирования и заканчивая помощью его представителям в уходе от уголовного преследования и наказания. Социалистические идеи стали основой нарратива сопротивления и инструментом конфликтной мобилизации масс.

Революционерам предоставлялась и зарубежная помощь, однако ее масштабы по сравнению с внутренними российскими источниками историками оцениваются невысоко. Союзники по Антанте в лице своих дипломатов (Дж. Бьюкенен, М. Палеолог) и представителей разведок (Р. Локкарт, О. Райнер, С. Хор и др.) совместно с российской политической и бизнес-элитой внесли определенный вклад в дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в России, фактически поддержав февральский государственный переворот. Однако было бы преувеличением считать, что Великобритания, Франция или иная держава сыграли главную роль в падении царского режима, сумев вызвать поистине тектонические движения в экономической и политической системах империи [Колпакиди, Север 2010: 638].

Говоря о структурных факторах, необходимо отметить, что на рубеже XIX–XX вв. в России шел опережающий по сравнению с другими европейскими государствами рост сельского населения, особенно молодежи (в 1914 г. 75 % населения империи составляли люди моложе 35 лет) [Дмитриев 2016], что выразилось в феномене избытка «лишних рук». Перенаселенность деревни не удалось решить за счет миграции – реализации довольно затратных программ переселения крестьян на Восток России в рамках реформ П. А. Столыпина. Бывшие хозяева-переселенцы, вернувшиеся на прежние места своего проживания, стали «рекрутами армии социального взрыва», случившегося спустя несколько лет.

Революции 1917 г. произошли в неблагоприятных для социально-экономического и политического развития страны международных условиях Первой мировой войны. Процесс социально-экономической (а не военной) индустриализации, способной разрешить многие противоречия в российском обществе (аграрный, административный, военный, национальный, фабричный, финансовый вопросы), начавшись с 1870-х гг., так и оставался незавершенным вплоть до крушения самодержавия. Индустриализация требовала серьезных капиталовложений, но империя располагала лишь двумя основными их источниками: экспортом сельскохозяйственной продукции (зерна), а также внешними заимствованиями и иностранными инвестициями. И того и другого не хватало. Можно согласиться с мнением В. Г. Бушуева и его соавторов: «Огромные суммы уходили кредиторам в качестве процентов по полученным займам, которые выплачивались за счет бюджетных поступлений. Повышение налогов вслед за заключением очередного займа за границей – установленная закономерность. Необходимость выплаты высоких процентов привела к тому, что иностранные займы превратились в инструмент финансовых кругов Запада, при помощи которого из страны выкачивались созданные в ней накопления» [Бушуев и др. 2016]. Значительный золотой запас империи при этом не был пущен на финансирование экономического развития страны.

Характеризуя экономическое развитие России, следует отметить, что, с одной стороны, в период 1909–1913 гг. в империи происходил промышленный подъем, выразившийся в росте производства в металлургии, машиностроении, военной промышленности,

строительстве портов, элеваторов, железных дорог, объектов городской инфраструктуры, шлюзовании некоторых рек. Российская империя занимала пятое место в мире по уровню производства промышленной продукции, повышалась ее доля в мировом производстве, хотя она и оставалась меньшей, чем у Германии. Россия располагала и значительными возможностями долгосрочного развития в виде огромных неосвоенных территорий. По числу студентов наша страна уступала только Британии, а по количеству молодежи со средним образованием опережала Францию.

С другой стороны, данный подъем не покрывал растущего внутреннего спроса, который стал удовлетворяться импортом. Отдельные высокие макроэкономические показатели не могли скрыть неприглядную картину из относительных индикаторов [Ефимов и др. 2016]. Здесь уместно привести оценки И. Солоневича, который отмечал: «Факт чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром не подлежит никакому сомнению. По цифрам 1912 г. народный доход на душу населения составлял: в САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты) 720 рублей (в золотом, довоенном исчислении), в Англии – 500, в Германии – 300, в Италии – 230 и в России – 110. Итак, средний русский, еще до Первой мировой войны, был почти в 7 раз беднее среднего американца и больше чем в 2 раза беднее среднего итальянца. Даже хлеб – основное наше богатство – был скуден. Если Англия потребляла на душу населения 24 пуда, Германия 27 пудов, а САСШ – целых 62 пуда, то русское потребление хлеба было только 21,6 пуда, – включая во все это и корм скоту. Нужно при этом принять во внимание, что в пищевом рационе России хлеб занимал такое место, какое в других странах он не занимал. В богатых странах мира хлеб вытеснялся мясными и молочными продуктами и рыбой» [Бондаренко и др. 2016].

С точки зрения занимаемого положения в системе международных экономических отношений Россия была фактически полуколонией, в которую осуществлялся вывоз капитала (около 2,5 млрд рублей к 1917 г.) из Франции (31 %), Великобритании (24 %), Германии (20 %), Бельгии (13 %), США (5 %). К началу 1917 г., несмотря на все попытки царского правительства снизить внешнюю экономическую зависимость, доля иностранного капитала составила более

50 % от основного капитала акционированной промышленности империи [Бушуев и др. 2016]. Иностраный капитал основательно закрепился и подчинил себе важнейшие отрасли российской промышленности – паровозо- и судостроение, угольную, нефтяную отрасли, электроэнергетику. Большая часть оборудования импортировалась, а иностранные капиталовложения шли в основном в горнорудную, металлообрабатывающую отрасли и банковское дело. Россия вывозила преимущественно сельскохозяйственную продукцию и сырье, ввозила готовые промышленные товары [Бондаренко и др. 2016]. Как таковое отсутствовало моторостроение. При довольно высоком уровне развития науки в России не было создано материально-технической базы внедрения изобретений в промышленность [Бушуев и др. 2016].

Развитие Российской империи во многом носило выраженный зависимый характер и отличалось глубоким социальным неравенством. Хотя межсословные границы постепенно размывались, неравенство сохранялось, проявляясь в массовой нищете, неграмотности (в 1900 г. грамотных было 25 %, к 1914 г. – 30 % населения, закон 1908 г. о всеобщем образовании в условиях недостаточного финансирования эту проблему не решил) и бесправии подданных, периодических неурожаях и голодных годах, эпидемиях, репрессивной политике царизма [Ефимов и др. 2016].

Вытеснение и дискриминация в политической и экономической областях касались таких групп, как русское крестьянство, народы окраин империи, среди интеллигенции и нарождавшейся национальной буржуазии которых росли притязания на власть. Рост коррупции в Российской империи затронул не только чиновничество, но и императорскую семью. Авторитет императора, не желавшего сыграть роль диктатора в складывавшихся чрезвычайных для будущего империи и династии Романовых обстоятельствах, был подорван отсутствием у Николая II необходимой политической воли. Антимонархические настроения в обществе подогревались либеральной прессой, что негативно сказывалось на легитимности власти.

Причинами-триггерами революций стали не только протесты в Петрограде в феврале 1917 г. в связи с дефицитом хлеба (возможно, искусственно вызванным), поражениями в ходе Первой мировой войны (хотя в начале 1917 г. ожидалось наступление

русской армии на Западном фронте). Триггерами служили и периодические волнения среди крестьян, происходившие с 1891 г., выступления фабричных рабочих против продолжения войны до победного конца.

В итоге политические, экономические и социальные институты империи столкнулись, с одной стороны, с давлением растущего крестьянского населения, а с другой – с сокращением земельных ресурсов, нехваткой капитала и технологий на фоне войны, серьезного по своим масштабам социального неравенства, быстрого по темпам, но полузависимого развития страны, роста национального самосознания окраин, появления вооруженных революционной идеологией сил, способных мобилизовать население во внутригосударственном конфликте.

Таким образом, объяснение причин и условий возникновения Февральской и Октябрьской революций 1917 г. не может быть сведено к конспирологическим интерпретациям и гипотезам о влиянии на эти процессы преимущественно внешнего фактора. Ключевыми предпосылками для русских революций стали финансовые, экономические, демографические, инновационно-технологические проблемы проведения индустриализации и дефицит времени (запоздалость реформ) [Галин 2015: 283–284]. **Основной урок** революций 1917 г. заключался в том, что ключевой проблемой, от решения которой зависела сама возможность социального взрыва в России, являлось **своевременное проведение индустриализации**, благодаря которой можно было устранить социально-экономические, демографические и ряд политических предпосылок дестабилизации. Как будет ясно из дальнейшего изложения, аналогичная задача проведения новой индустриализации стоит сегодня и перед современным российским государством и обществом, чьи безопасность и стабильность могут быть обеспечены только через развитие.

Рассматривая современную политическую ситуацию в России, В. Д. Соловей полагает, что наша страна постепенно переходит в состояние неустойчивого равновесия, хотя это и не означает неизбежности революции, а угроза гражданской войны вовсе ничтожна [Соловей 2016: 128]. Этому препятствует вызванное продолжавшейся два десятилетия депопуляцией снижение численности рос-

сийской молодежи как основного участника процессов дестабилизации. Нет и идей, обладающих потенциалом нарратива сопротивления. Хотя Россия находится в длительном экономическом и фискальном кризисе, в обществе растет недовольство несправедливостью, коррумпированностью и деятельностью не столько правящей элиты, сколько местной бюрократии, полиции и судов. Недовольство руководством страны со стороны отечественных элит не перерастает в их политическую оппозиционность, а неблагоприятное международное окружение России не означает неизбежной поддержки иностранными державами и международными организациями процессов внутривнутриполитической дестабилизации в РФ [Соловей 2016: 128–129, 250–253].

Во многом с В. Д. Соловьевом можно согласиться. Однако Россия пока далека от созревания всех предпосылок состояния неустойчивого равновесия российского общества: в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры сохраняется определенный уровень политической стабильности; руководство государства пользуется поддержкой населения; нет серьезной организованной силы, способной на мобилизацию масс для революционной борьбы; невысока и зарубежная помощь несистемной оппозиции.

Вместе с тем тревогу вызывают признаки появления в общественной жизни некоторых **структурных факторов революции**, которые сыграли главную роль в дестабилизации Российской империи и вызревание которых носит длительный характер.

Это, во-первых, неравномерное экономическое развитие страны, способствующее росту социального неравенства. Неиндустриализация [Попов 2014; Рязанов 2013], переход к новому технологическому (технично-экономическому) укладу, повышение доли цифровой экономики в народном хозяйстве России пока еще не состоялись, хотя ряд предпосылок к этому власть активно формирует – среди них меры по интеграции науки, производства и образования, инициирование движений инновационного научно-технического творчества среди молодежи и т. п. Опасные последствия может вызвать свертывание программ социального государства в России, в частности в области здравоохранения, образования, в целом развития человеческого капитала.

Во-вторых, это эволюция персоналистских режимов в сторону роста коррупции в среде государственных лидеров и их семей, что способствует делегитимации власти. Обвинения в коррупции, выдвинутые отдельными лидерами несистемной оппозиции в адрес руководителей государства, не получили подтверждения. В то же время преступления коррупционной направленности распространились в среде не только чиновничества, но и работников правоохранительных органов, руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц субъектов федерации, что характеризует тенденции в этой области общественной безопасности как негативные.

В ответ власть предпринимает ряд действий по недопущению социально-политической дестабилизации в России, которые не сводятся только к увеличению бюджетных расходов на поддержку пенсионеров и бедных слоев, осуществлению доктрины «суверенной демократии», ограничению тех или иных форм политического протеста и несанкционированной общественной активности, антизападным кампаниям в средствах массовой информации, созданию массовых проправительственных молодежных организаций («Наши», «Молодая гвардия Единой России») [Соловей 2016: 154–158]. Государство стало уделять пристальное внимание защите «культурного ядра», традиционных духовных и нравственных ценностей общества. В целом избранная политическим руководством РФ стратегия нейтрализации кризисов легитимности и участия предполагает опору на «консервативное большинство» российского общества, его традиционные ценности и демонстрацию отдельных успехов, призванных подтвердить эффективность власти. В этой связи государство реализовало ряд мер по недопущению конфликтной мобилизации широких слоев населения и их консолидации вокруг несистемной оппозиции и экстремистских сил.

Так, в **идейно-ценностной сфере** России ведутся поиски и апробация адекватных ответных мер на вызов «мягкой силы». В этом качестве российское политическое руководство стремится использовать потенциал традиционных нравственных и семейных ценностей общества. В ракурсе противодействия политической дестабилизации консервативные ценности мыслятся как своеобразный противовес влиянию идей либеральной демократии, способ-

ствующих атомизации общества и рассматриваемых в этом ракурсе как средство управляемого хаоса. Об этом говорил в своем послании Федеральному Собранию в декабре 2013 г. В. В. Путин, заверив, что Россия будет стоять на защите традиционных ценностей, которые давно составляют духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа [Новый... 2014]. На решение задачи защиты традиционных ценностей, в частности, были направлены мероприятия государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011–2015 гг.», подготовки к 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, 100-летию Первой мировой войны и др. [Смыслов 2014]. Активная работа в этом направлении ведется рядом организаций, в особенности Российским историческим, Российским военно-историческим и Русским географическим обществами, ДОСААФ, Российским движением школьников, движением «Юнармия».

В **информационной сфере** для противодействия оппозиционным сообществам в социальных сетях «Facebook» и «ВКонтакте», блогерам в «LiveJournal» и «Twitter» использовались аккаунты в блогах и социальных сетях, публикации «разоблачающих» лидеров оппозиции материалов, создание многочисленных проправительственных сетевых сообществ [Чернышов]. Управление политическими кризисами проявляется в растущей активности российских спецслужб в информационной сфере. Отдельные эксперты связывают создание государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы России [Указ... 2013] с необходимостью решения задачи по противодействию неправомерному использованию информационных технологий с целью политической дестабилизации обстановки в стране [Солдатов 2013].

Помимо этого руководством РФ были приняты определенные меры в **правовой сфере**, направленные на ограничение политической активности некоммерческих организаций. Так, согласно поправкам в федеральное законодательство, участие некоммерческих организаций в политической деятельности на территории РФ предполагает активность (в том числе путем финансирования) в форме организации и проведения политических акций для воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на

изменение проводимой ими государственной политики, а также формирование общественного мнения в указанных целях. Некоммерческие организации, выполняющие функции иностранных агентов, представляют в уполномоченный орган регулярные отчеты о своей деятельности, составе своего руководства, целях расходования финансовых средств и использования иного имущества, в том числе полученных от иностранных источников, аудиторское заключение. В отношении противоправной деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов в РФ, уполномоченные органы могут принимать различные санкции: от приостановления их деятельности до штрафов, обязательных и исправительных работ, лишения свободы работников этих структур [Федеральный... 2012]. Вслед за принятием новых законов начали проводиться и проверки деятельности некоммерческих организаций в РФ.

В **экономической сфере** ради снижения риска давления иностранных государств и международных организаций на РФ началась реализация комплекса мер по созданию национальной платежной системы и деофшоризации российского бизнеса. Правительство России приняло ряд решений по лишению офшорных компаний государственной поддержки и отказу в предоставлении им контрактов от органов федеральной, региональной и местной власти. Также предполагается введение дополнительного налога на те доходы офшорных компаний, которые не перечисляются в РФ, с тем чтобы центры прибыли формировались в России [Российские... 2014].

В области обеспечения **общественной и государственной безопасности** основное внимание уделяется совершенствованию системы предупреждения и адекватного реагирования на угрозу беспорядков в крупных административно-территориальных центрах России, наращиванию сил полиции и войск национальной гвардии.

Вместе с тем ясно, что без реализации государственной политики в интересах всего социума, без решения проблемы перехода к экономике инновационного типа, шестому технологическому укладу и проведения новой индустриализации на его основе купирование угроз политической дестабилизации будет носить достаточно ограниченный характер, не обеспечивая устойчивость российского

государства и общества на наиболее глубоком уровне и в долгосрочной перспективе. В этой связи реализация рассмотренной выше системы мер противодействия политической дестабилизации утрачивает всякий смысл, если не состоится неоиндустриализация. В дальнейшем сама новая экономика должна стать основой для политической стабильности России. В противном случае, если подобный переход не состоится, нашу страну вновь может ожидать не только неустойчивое равновесие, но и созревание всех структурных факторов революции. Весьма вероятен социальный взрыв, схожий с революциями 1917 г., хотя и в несколько иных условиях внутриполитической и международной обстановки.

Литература

Бондаренко А. Ю., Бушуев В. Г., Дмитриев С. Н., Ефимов Н. Н., Залесский К. А., Оськин М. В., Рыбас С. Ю., Сирота А. Д. В терновом венце революции... // Красная звезда. 2016. № 127.

Бушуев В. Г., Дмитриев С. Н., Ефимов Н. Н., Залесский К. А., Оськин М. В., Рыбас С. Ю., Сирота А. Д. В терновом венце революции... // Красная звезда. 2016. № 130.

Внукова Л. Б. Концептуальные подходы к анализу социально-политической напряженности [Электронный ресурс] : Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 3(11). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 13.12.2013).

Дмитриев С. Н., Бондаренко А. Ю., Бушуев В. Г., Ефимов Н. Н., Залесский К. А., Оськин М. В., Рыбас С. Ю., Сирота А. Д. В терновом венце революции... // Красная звезда. 2016. № 133.

Ефимов Н. Н., Бондаренко А. Ю., Бушуев В. Г., Дмитриев С. Н., Залесский К. А., Оськин М. В., Рыбас С. Ю., Сирота А. Д. В терновом венце революции... // Красная звезда. 2016. № 124.

Галин В. Капитал Российской империи. Практика политической экономики. М. : Алгоритм, 2015.

Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб. : Питер, 2005.

Главин М. Л., Казакова Л. А. Революции социальной концепции // Современная западная социология: словарь. М. : Политиздат, 1990. С. 289–291.

Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Колпакиди А., Север А. Спецслужбы российской империи. Уникальная энциклопедия. М. : Яуза, Эксмо, 2010.

Новый план мирового господства Владимира Путина // The Spectator. 2014. 25 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/1793> (дата обращения: 12.03.2014).

Попов А. И. Неоиндустриализация российской экономики как условие устойчивого развития // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 3 (87). С. 7–12.

Революционная ситуация // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1986. С. 407.

Революция социальная // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1986. С. 407–408.

Российские компании начали выводить свои капиталы из офшоров. 2014. 13 января [Электронный ресурс]. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/188> (дата обращения: 12.03.2014).

Рязанов В. Т. Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8 . С. 3–32.

Смыслов М. В. Духовные факторы обеспечения национальной безопасности России и возрождение идей защиты отечества // Вестник Академии военных наук. 2014. № 1. С. 23–27.

Солдатов А. ФСБ поручено создать госсистему борьбы с кибератаками. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agentura.ru/timeline/2013/FSBcyberresponse/> (дата обращения: 12.02.2013).

Соловей В. Д. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М. : Эксмо, 2016.

Указ Президента Российской Федерации от 15 января 2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Российская газета. 2013. 15 января. URL: <http://www.rg.ru/2013/01/18/komp-ataki-site-dok.html> (дата обращения: 12.02.2013).

Федеральный закон Российской Федерации от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета. 2012. 23 июля. № 5839.

Чернышов Ю. Г. Запретительные меры еще больше раздражают людей, мягкая модель реагирования более перспективна [Электронный ресурс]. URL: <http://altapress.ru/story/77960> (дата обращения: 12.04.2012).

Feierabend I. K., Nesvold B. Social Change and Political Violence: Cross National Patterns // *Violence in America* / Ed. by H. D. Graham, T. R. Gurr. New York : Bantam, 1969. Pp. 632–687.

Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley etc. : University of California Press, 1991.

Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. New Haven : Yale University Press, 1968.

Obershall A. *Social Conflict and Social Movements*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1973.

Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Reading : Addison-Wesley, 1978.